

регенерация

Чистые нулевые выбросы нечисты

На фоне участвовавших заявлений компаний об амбициозных планах снижения выбросов и достижения чистых нулевых выбросов парниковых газов к 2030–2050 годам растет и критика подобных заявлений. Проанализировав корпоративные стратегии и планы, эксперты заявляют об их непрозрачности, несостоятельности и неэкологичности.

— тенденции —

В середине июня неправительственные организации «Друзья Земли», «Глобальная лесная коалиция» и «Корпоративная ответственность» подготовили совместный отчет, в котором анализировались планы компаний по достижению «чистых нулевых выбросов». Напомним, в последние годы все больше крупных корпораций объявляют о собственных целях по снижению выбросов парниковых газов, переходу на 100% энергии, полученной из возобновляемых источников, и часто — достижению «чистых нулевых выбросов» к 2030–2050 годам. В частности, уже 21% от крупнейших 2000 публичных компаний в мире (с уровнем продаж почти 14 трлн долларов) установили собственные цели по достижению «чистых нулевых выбросов» в рамках кампании ООН Race to Zero (по оценке Energy and Climate Intelligence Unit и Oxford Net Zero).

Отличие «чистых нулевых» от простых «нулевых» выбросов заключается в том, что они достигаются в том числе при помощи компенсации выбросов или использования технологий их улавливания, тогда как в реальности парниковые эмиссии от основной деятельности и использования продуктов компаний могут продолжать расти. Впрочем, как подчеркивает ученый-климатолог, эколог и исполнительный директор проекта Project Drawdown Джонатан Фоли, понятие «чистых нулевых выбросов» изначально использовалось учеными-климатологами «для описания сценариев, когда вся атмосфера в целом больше не накапливает парниковых газов. Речь идет не об одной компании или стране — обо всей планете».

Совместный отчет НКО о планах корпораций по «чистым нулевым выбросам» или достижению «углеродной нейтральности» называется «Большая афера». Он на примерах рассказывает, как компании используют климатическую повестку в своих собственных интересах, манипулируя понятием «чистых нуле-

вых выбросов», в частности финансируя академические исследования в крупнейших мировых университетах, доказывающие состоятельность соответствующей доктрины. Кроме того, по данным отчета, к 2030 году только Shell планирует увеличить использование углеродных единиц для компенсации своих выбросов до 120 млн тонн в год, что больше, чем весь объем добровольного глобального углеродного рынка в 2019 году. Авторы отчета также критикуют планы многих компаний по восстановлению лесов и прочих экосистем, говоря об «углеродном колониализме», который на деле часто оказывается «захватом земель» — скупкой за дешево земель у бедных фермеров в развивающихся странах, где «часто вытесняют местные общины», которым в теории должны приносить пользу.

Джонатан Фоли также считает, что упоминаемые компаниями компенсационные меры (восстановление лесов, земель, океанов, а также улавливание углерода) могут предложить «до смешного малые объемы» по сравнению с сокращением выбросов на собственных производствах, по всем цепочкам поставок и в процессе потребления товаров. Он подчеркивает, что нельзя списывать со счетов все подобные проекты — например, вопросы сохранения и восстановления лесов и экосистем (а также сохранения не тронутых человеком частей суши и океана) являются крайне важными для здоровья планеты, однако полагаться только на них и отчитываться только подобными мерами компании не могут. Билл Уинтерс, исполнительный директор Standard Chartered Bank, также считает, что компании могут использовать «какое-то количество компенсационных проектов», однако в приоритете должны оставаться планы по снижению собственных эмиссий.

Отчет «Большая афера» приводит данные и о других технологических решениях, которые собираются использовать компании и которые авторы исследования считают сомнительными. Например, United Airlines планируют построить заво-

ды по прямому улавливанию углерода с целью компенсации выбросов — экологи критикуют эти технологии как непроверенные. По мнению авторов отчета, поддержка подобных технологий (этого во многих странах добиваются корпоративные лobbисты, а сами такие технологии в основном использовались для добычи трудноизвлекаемых запасов нефти) может потребовать увеличения потребления ископаемого топлива до 40%. Наконец, многие компании (в том числе Walmart) считают «своими» только выбросы так называемого «Охвата 1» или «Охвата 2» (Score 1 или Score 2, то есть выбросы в процессе собственной деятельности или производства закупаемой энергии), не включая Score 3 (все цепочку жизненного цикла, включая эмиссию от потребления продукции, которую

компания производит), а у некоторых компаний такие выбросы могут составлять более 90% от общего объема углеродного следа.

С целью оправдания подобных тактик крупный бизнес оплачивает не только научные исследования, но и услуги ассоциаций-лоббистов (в их числе авторы отчета называют, например, Международную ассоциацию по торговле эмиссиями, основанную нефтяными гигантами Shell, BP и Chevron).

Бывший глава Межправительственной группы экспертов по изменению климата Роберт Уотсон также называет цели по достижению чистых нулевых выбросов «опасной ловушкой», своего рода «банковским чеком» за право продолжать сжигать ископаемое топливо и разрушать природные системы.

Вопрос об использовании концепции углеродной нейтральности в качестве базовой стратегии противодействия надвигающемуся климатическому кризису, очевидно, будет поднят на следующем раунде климатических переговоров ООН, который пройдет в ноябре в Глазго. Там ожидается, в частности, объявление новых планов стран и компаний по снижению выбросов парниковых газов и достижению чистых нулевых выбросов. Экологические организации также готовят новые отчеты, подробно анализирующие планы и действия компаний по снижению выбросов, а также возможные манипуляции с подсчетом их эмиссий. Среди последних (кроме уже перечисленных выше), например, вывод операций с наибольшим высоким уровнем выбросов в сторонние компании и

страны, где углеродное регулирование отсутствует или несущественно.

Сегодня признание приоритета вопросов климата и декарбонизации и установление собственных целей по снижению выбросов уже стало стандартной бизнес-практикой, основным взгляд и внимание экологов и общественности переносится на конкретику этих планов и действий, а также выявление возможных утечек и манипуляций. От компаний будут ожидать большие открытость и честность в отношении планов и инструментов декарбонизации, а также отчетность о реализованных программах по снижению эмиссии по всей цепочке жизненного цикла, включая поставки сырья, материалов и услуг, а также потребление конечного продукта.

Ангелина Давыдова

«Национальный рынок углеродных единиц защитит экспортеров»

— мнение —

Первый вице-президент Газпромбанка РОМАН ПАНОВ о том, зачем России углеродное регулирование, как его развивать и каким образом рынок углеродных единиц способствует снижению углеродного следа и интеграции страны в международную систему, а в свете последних решений Европы о введении трансграничного углеродного налога торговля квотами на выбросы CO₂ — защитит отечественных экспортеров, попадающих под удар решения ЕС.

В сентябре прошлого года Россия ратифицировала Парижское соглашение, которое предполагает сокращение к 2030 году выбросов парниковых газов до 70–75% от уровня 1990 года при условии максимально возможного учета поглощающей способности лесов, после чего последовал указ президента Российской Федерации, направленный на создание национальной системы климатического регулирования. Наиболее популярными экономическими инструментами такого регулирования в мире являются углеродный налог и рынок углеродных единиц. Последний можно отнести к стимулирующим мерам, создающим углеродное ценообразование и способствующим выполнению задач по сокращению выбросов.

Углеродная единица — это квота на выброс парниковых газов, измеряемая в тоннах CO₂-эквивалента. Квоты могут давать права предприятиям на определенный объем выбросов и подтверждать их сокращение в случае реализации климатических проектов. Образование излишков такой квоты и возможность извлечения из этого прибыли, в том числе за счет снижения налоговых и штрафных расходов в долгосрочной перспективе, является дополнительным мощным стимулом для реализации проектов по модернизации и переходу на наилучшие доступные технологии для промышленных и производственных предприятий.

Международный рынок торговли этими квотами находится на этапе становления и работает через биржевой механизм, где стоимость углеродных единиц в настоящее время варьируется от \$3 до \$33 за тонну CO₂-эквивалента. Однако на страновом и регио-

нальном уровнях продаж углеродных единиц давно и успешно функционирует.

Наиболее крупные углеродные рынки действуют в странах ЕС и в США. С 2013 года Китай реализовывал пилотный проект по созданию рынков в отдельных регионах, а с 2021 года осуществлен пилотный запуск объединенного национального углеродного рынка Китая. С учетом Китайской системы около 20% всех выбросов парниковых газов будет покрыто углеродными рынками.

Россия обладает значительным потенциалом снижения углеродоемкости, кото-

рый может быть эффективно реализован в рамках климатических проектов, а международные вызовы климатической повестки стимулируют оперативное развитие инструментов углеродного регулирования в нашей стране. Например, по действующей международной методике, разработанной Лесной службой Канады, поглощающая способность лесов России оценивается лишь в 580 млн тонн в год, что соответствует 27% от общих выбросов. Однако, по подсчетам отечественных экспертов, она недооценена по крайней мере на 350 млн тонн

в год. Также стоит учитывать и планируемые ЕС меры по сокращению выбросов CO₂, представленные в середине июля, в рамках которых Евросоюз устанавливает порядок оплаты углеродного следа продукции, ввозимой на территорию Европейской экономической зоны из стран, где выбросы регулируются недостаточно жестко или не регулируются вообще. Реализация такого сценария в текущих реалиях может затронуть около 40% российских экспортеров, потери которых могут составить от \$6 млрд до \$50 млрд. Под ударом окажутся в большей степени производители природного газа, нефти, черных металлов, энергетического угля и азотных удобрений.

Исходя из сложившейся ситуации, становится очевидно, что российские предприятия нуждаются в регулировании, которое даст им способность отвечать на международные вызовы, и сейчас в России происходит адаптация законодательства к международной климатической повестке. На обсуждении находится «Концепция системы учета, регистрации, выпуска в обращение, передачи и зачета результатов климатических проектов, осуществляемых на территории РФ». Концепция основана на международном опыте, вводит основы обращения углеродных единиц на территории России, нацелена на привлечение «зеленых» инвестиций. Правительством России была выбрана Сахалинская область в качестве пилотного региона внедрения механизмов, направленных на сокращение выбросов парниковых газов. Результатом должно стать достижение углеродной нейтральности регионом уже к 2025 году, то есть снижение до нуля разницы между выбросами парниковых газов и их поглощением с учетом возможностей экосистемы региона. На примере области будут апробированы различные меры углеродного регулирования и оценена их эффективность для последующего масштабирования на уровне страны.

Главным механизмом в рамках эксперимента на Сахалине должно стать квотирование выбросов крупнейших эмитентов парниковых газов этого региона и возможность для предприятий торговать этими квотами, однако за выбросы в больших объемах, чем имеющиеся квоты, предприятия должны будут платить по среднемировым ценам.

Для успешной реализации эксперимента и дальнейшей интеграции в мировую систему торговли квотами очень важно выбрать подходящую площадку и учесть, что, несмотря на часто используемый в мире механизм реализации торговли углеродными единицами через биржу, в России биржевая торговля имеет ограниченное развитие. В то же время наша страна обладает наиболее передовыми и разработанными механизмами внебиржевой торговли: электронными торговыми площадками. Этот механизм имеет целый ряд преимуществ перед биржей. Например, отсутствие порога для входа на площадку, мягкое нормативное регулирование, такие инструменты, как классический аукцион, торги со снижением цены, возможность ведения реестра углеродных единиц и сделок с ними, из чего можно сделать вывод, что электронная торговая площадка в российских реалиях является наиболее удобным механизмом реализации торговли углеродными единицами. Для реализации подобной инициативы, безусловно, требуется утвердить требования и принять соответствующую нормативную базу.

Так, для эксперимента по Сахалинской области Электронная торговая площадка Газпромбанка (ЭТП ГПБ) предлагает создание ИТ-платформы, на которой будут производиться торговые и обменные операции, агрегироваться соответствующая информация, в том числе из министерств и ведомств, а каждый участник сможет в режиме онлайн видеть информацию о торгах и участниках, а также статистику и аналитику в табличном и графическом вариантах. Платформа не имеет ограничений и позволит в любой момент интегрировать других участников и охватить все регионы страны.

Конечно, углеродное регулирование является лишь одним из механизмов глобального тренда на переход к низкоуглеродной экономике с целью сокращения антропогенного воздействия на изменение климата. Однако введение в России такого регулирования, в том числе через создание рынка углеродных единиц, является важнейшим шагом для интеграции в международную систему по борьбе с климатическими изменениями и должно в том числе положительно повлиять на расчет трансграничного углеродного налога для отечественных экспортеров.